

Наталия Шушанян

Дальние мои
дали

Наталия Шушанян

Дальние мои дали

16+

ISBN 978-5-00217-615-1

© Текст: Шушанян Н.

© Иллюстрации: Шмаков Г.

Издательство Эдитус
Москва

2025

Избранные стихотворения

СОДЕРЖАНИЕ

«На Плато Путорана...»	9
«Где ты, моя Индиана...»	10
«Ты просто кивнул,	12
«Не келья мне ночью приснилась...»	15
«Нежными, одинокими, тихими вечерами...»	16
«Ведь я совсем не местная...»	18
«Смотри, какая выходит у меня история...»	19
«Я искала тебя на морском берегу...»	21
«Так и я знала...»	22
«Давай закурим сразу по второй!..»	25
«Я бы карточку Вашу держала в бюваре...»	27
«Чтоб бестрепетней слиться с Курой...»	28
Нина	30
«Он ничего не сказал...»	33
«Все не просто, и не сложно...»	35

«Я люблю разводить в саду цветы...»	36
«Мир — странная штука, ветру казалось...»	37
«В неукротимом самоотрицании...»	38
«О сон, манивший и заветный...»	40
«И не только химеры не в наших просторах...»	41
«Амалео, твоя флейта...»	42
«Вобравши те в себя черты...»	44
«Когда паря сквозь даль небес...»	45
«Пела Акира...»	46
«Близко от тебя...»	47
«Теплой почве...»	48
«Забыл ты меня...»	49
«Веточка вишни...»	50
«Подари мне брусничные бусы...»	51
«Дороги-дороги...»	52
«А, может быть, ты когда-то пойдешь к другой...»	53
«Лишь одна на свете есть утрата...»	54
«Профиль нежный...»	55
«А помнишь, однажды в музее...»	56
«С минувшим десятком пятым...»	57
«Глаза мои смоль...»	58
«Ветерок незатейливо споря...»	59
«Забыты вмиг вдова Клико...»	60
«Ты позволь отведать, небо...»	61
Мелодия любви и шахмат	62
«В воздух мечтаний...»	64

«Видишь, что я сделала?..»	65
«Выслано на пути...»	66
«Не дает покоя...»	67
«Уходила в последний вечер...»	68
«В окраске сна искать отраду...»	69
«Слово-стремление иссушено...»	70
«Отдаляешься, вроде...»	71
«Странно-грустно-дремучее...»	72
«И тихонько «здрасте»...»	73
«Дробясь о стойкие сюжеты...»	74
«Женщина с тысячей лиц...»	75
«Я твоей прохладой...»	76
«По концам бывлой дороги...»	77
«Не сгореть на ходу...»	78
«Осень...»	79
«Платят скупые дважды...»	80
«Дорогой с потусторонним движением...»	81
«Короткой была дорога...»	82
«По улице спешно три-рукой...»	83
«Стихло-стихло водопадное...»	84
«Мы сидели чужие...»	85
«Между нами — сквозняки...»	86
«Осень...»	87
«Волны хитрые, игривые...»	89
«Рядится век...»	90
«Самая чужая из близких...»	91

«Не достать небосвод...»	92
«Наутро встать...»	93
«Отживу — отползу-отдышу...»	94
«Затрепала-затаскала...»	95
«Вихрем вразбег...»	96
«Ни на что не гожусь...»	97
«Оглохла-ослепла...»	98
«Холодкам не верь...»	99
«Невозможно тебя не любить...»	100
«За тебя в небо...»	101
«Я люблю тебя близким до боли...»	102
«Две мечты...»	103
«Вся целиком...»	104
«В неясном движении ветвей...»	105
«Взор без искры или мимо...»	106
«Где искать грааль...»	107
«Вдруг повеяло дыханьем свежим...»	109
«Вспоминается речка за лугом...»	110
«Может, целовать придется ноги...»	111
«Растоплю в ладонях лед...»	112
«Как здорово, что ты меня не любишь...»	113
«Увлечься игрой...»	114
«Белая махорка...»	115
«Огонек в глазах...»	116
«Ты знаешь, как в небе летали они...»	117
«От порога до порога...»	118

«Встреча, слово, пламя, случай...»	119
«По траве, по нескошенной...»	120
«Тянется береза к солнцу...»	121
«Я летаю и кружусь...»	122
Есенину	123
О женщине	124
«Читаю Блока «Город мой»...»	125
«Суета да ропот...»	126
«Писала не вилами...»	127
«Страсть — белошвейка...»	128
«Не отречься, не прижаться...»	129
«Сгладилось-сладилось...»	130
«Ни печаль, но вздыхание...»	131
«Пифия...»	132
«Прощай мне все...»	133
«Прошу, в чужие руки...»	134
«Что же ты, нескромная...»	135
Ануш	137
«Мой друг, прощаю вам, что вы не ту...»	141
«Мечты истлели...»	142
«Когда оставишь в мыслях ты меня...»	144

На Плато Путорана
породой базальта
небеса рисовали
гребни волнистые,

под влиянием вулкана
я озера бальзама
(и автограф Бальзака)
тебе отсылаю
в конверте душистом.

Где ты, моя Индиана,
где прячешь свои деревья
с птицами райскими в кронах,
со светляками в соцветиях,
изящными белками в норах,

дальние мои тропы,
идушие твердо и плавно
меж стройных твоих платанов,
щедро обвитых лианой,
где ты, моя Индиана?

Думаю о тебе, чтобы
ввысь ускользать к звездам,
к звездам твоим сверхновым,
к самому дальнему небу,
в самую близкую небыль.

Где ты, мечта моя, солнце?
Думаю о тебе, чтобы
неба не рушился остов,
а облака белого остров
птицы держали в небе.

Где я, упавшая с неба?
Как Элли летать я умела,
знаю, как лунный голубь
ныряет поутру смело
в охристо-синюю пролубь.

Где ты, любовь моя, песня,
где ты, весна, моя нежность?
Не узнаёшь меня здешней?
Канюк тебя пел утрами
в далекой такой Индиане.

Ты просто кивнул,
а я и не въехала,
ночь заглотнула
пугливое эхо,

«завтра» в нем было,
и было «вчера»,
вереницею плыли
в нем вечера

серебряных ложек,
не смолкающих лир,
в бархатной ложе
восседал там факир,

он звезды горстями
вынимал из карманов,
там были гостями
львы-игуаны,

панголин в чешуе,
пятнистый маргай,
а страус-крупье
глазом моргал

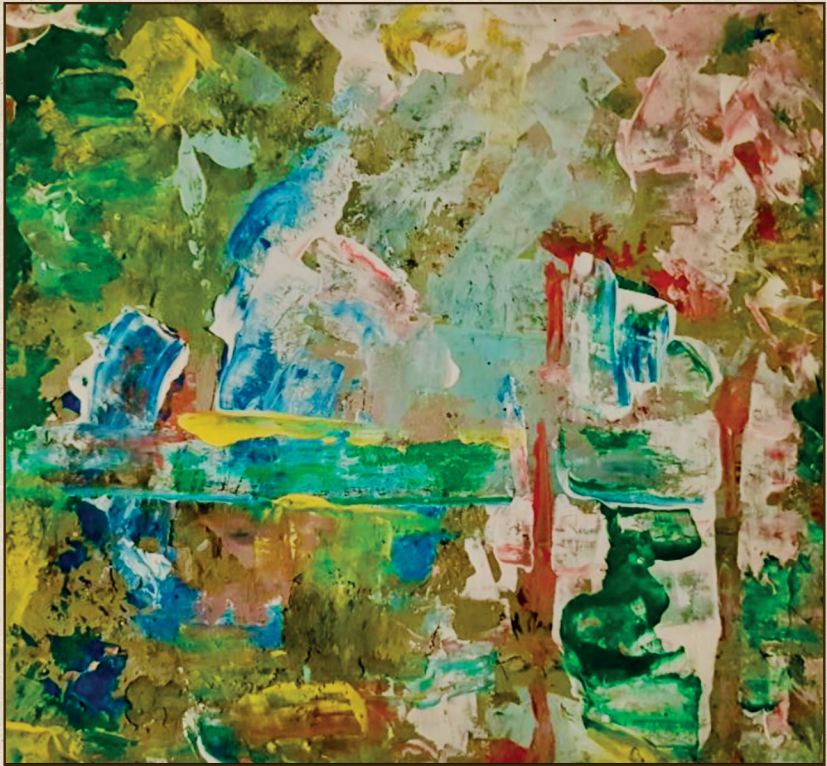
и пальцем манил
в пепел сиреневый,
в сиреневый дым:
с шатровых стропил,

лапой держась одной,
там свисала ондатра
и дымила как мы когда-то —
одну за другой,

киваешь ты снова,
я снова въезжаю,
вместо нескольких слов
зайцев стаи

скачут по хрусталою,
стольких ведь не выпить
и не отстрелить,
да я и не тороплю.

Не келья мне ночью приснилась,
а кров совсем незаслуженный,
небольшой, но редкой жемчужиной
я в кровати формы раковины ютилась,
а звезды глядели глазами такими синими,
прямыми, большими и ясными,
что сегодня засну неразбуженной
под оливой зелено-глазистой.

Нежными, одинокими, тихими вечерами,
зная, что ты далеко и еще дальше,
я толстовку твою надеваю,
и тогда раскрывается небо над нами,
а, может, сжимается, но путь это точно кратчайший
не то, чтобы до какого-то края,
а для наполнения будущим настоящего,

наполнения этих тихих вечеров,
где я в безумье, нашими вечерами,
где уходят все основания
для тоски и печали, для сведения всяких счетов
со всем, что водило нас разными берегами,
даже разными океанами,
счетов с прошлым, заполнявшим будущее кем-то не нами.

Кофта твоя однажды стала моей кофтой,
твое небо бесконечно становится моим небом,
и этого так много,
что не будь мне, Толстовка, ни Горьковкой,
ни Маяковкой,
а будь лишь кофтой-мишкой, с нею я в Небыль
нырну, не успев у Бога
выпросить главного: «Мне бы . . .»
Мне бы неба над нами
тихими, нежными вечерами,
мне бы вечности той, где дней счастливых
не счесть,
мне бы, Господи, того, что у меня было когда-то,
и мне бы того, что у меня уже есть.

Ведь я совсем не местная,
но мне зачем-то помнятся
глаза твои небесные,
и васильковый дым,

сгущая воды вешние,
весну с зимою путает,
в ней я почти что здешняя,
в ней ты — почти что ты.

Смотри, какая выходит у меня история,
тихая, вроде, но сплошь романтика,
два моих Я меж собою в ней спорят:
Я-солнечный-зайчик и Я-лунатик.

Я, которое заяц, радуется, скачет, едва завидя
твою улыбку,
а Я-лунатик ночами всё плачет:
и счастья, мол, нет, любовь ошибка.

И бродит впотьмах, не радуется,
будто и звезды ничего не значат,
по лунным канатам безо всякой надобности
скользит и падает, а солнечный зайчик

у края какой-нибудь бездны его спасает, —
насквозь идущей от Тянь-Шаня до Карибати,
от горного края до водного края
там ведь буквально — рукою подать,

Карибати это почти что грузинское,
да и Тянь-Шань как будто родной,
так и кочует энергия моя иньская
от одной бескрайности к другой,

а нет, чтобы в лунные зайцы податься,
там ведь и весело, и тоже романтика:
улыбнешься, будет повод для радости,
отмахнешься, значит, тоже вроде лунатика.

Я искала тебя на морском берегу,
Легонько взлетев на песчаный мысок,
Я потрогала руками горячий песок,
Я представила, что это твои руки.

И когда я сдувала песчинки с ладоней,
Трубы морские взвыли протяжно,
И рассказ, пропитанный щедро тобою,
Полился, будто вправду искрила однажды

Над нами беспечными чья-то мечта,
где к «Франческо»¹ стекался Кальяри,
а прижатые странно друг к другу тела
Неустанно всю ночь танцевали.

¹ Название ресторана.

Так и я знала,
что Кафка вечерний и утренний брют
до добра не доведут,

близилась ночь,
сплошной чередой мысли шли о тебе,
потом в темноте

чудно сплетались сны:
то рябь на пруду, затянутом ряской,
манила своею пляской,

то неба глотнув,
исчезала я и рождалась сызнова,
соблазненная вызовом

над землёю парить
летягой-зверушкой, палевкой одно-лаповой,
то с подвесом одноламповым

в рассеянном свете
облачной я неслась норушкой прямоком
к сказкам от Древнего Востока,
красиво, слегка одиноко,

потом пустыней желтой
долго брела я без вина и воды,
а «холмы это край земли»,

вдруг значок от wi-fi
всплывает гигантской такой волной,
бурлящей четверть-кругами,
и в этом вай-фае

ближняя четверть круга
раскачивает огромную бутылъ
с чудищем безобразным внутри,
и оно мне грозит,

когтями отстукивает по стеклу,
растопыривает их, снова стучит,
сейчас, мол, всё взлетит,

вцепилась я в лампу-подвес,
давай бубнить невпопад, уговаривать невесть кого,
чтоб стало вокруг светло,

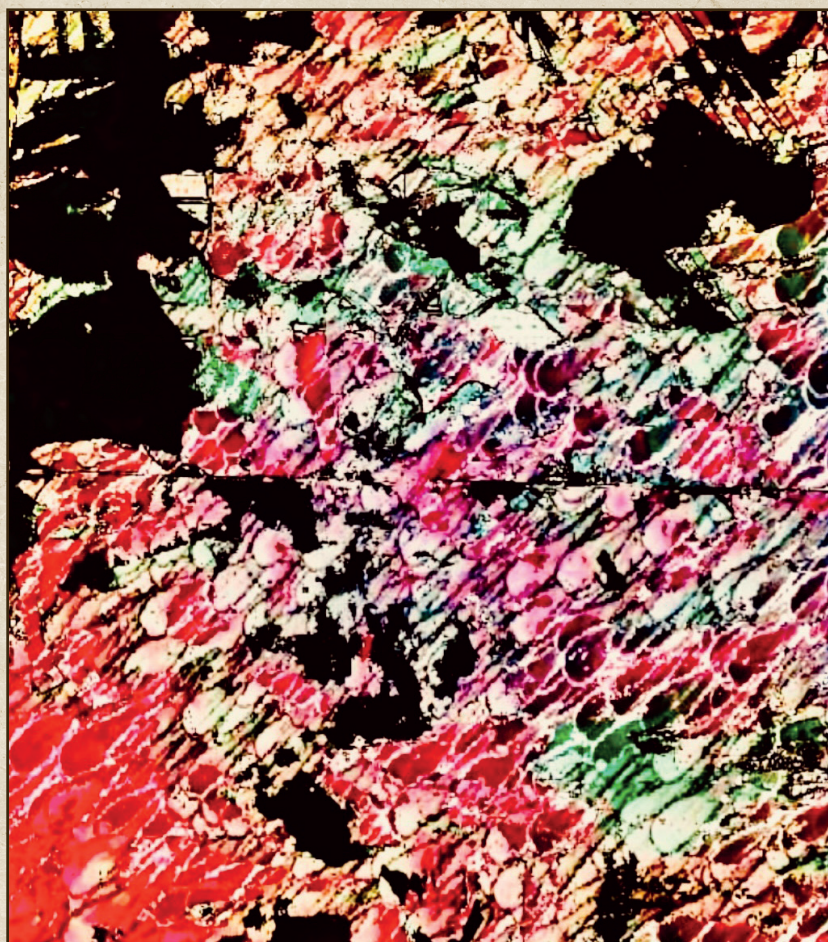
Гудзоны, Манилы,
Аргуни, Амуры, пусть станет вокруг светло,
чтоб не замело

путей туда и назад,
туда, где влюбленная я мечтала у твоих сидеть ног,
дивный такой Восток,

и назад, где любовь
даже маленькая (открылось это с тобой)
может быть безумно большой,

пусть все вернется, пусть,
а с Кафкой вечерним или утренним брютом
как-нибудь разберусь.

Давай закурим сразу по второй!
К чему нам первая?
Давай помиримся без ссор
и будем верными

своим желаниям, смыслам и мечтам,
им будем равными,
мы будем здесь, мы будем там,
мы будем главными

в небесной глади с лунным гало,
мы в нем утонем,
а если неба станет мало,
мы всё, что кроме,

оставим для другой ночи длиною
почти что в вечность.
К чему нам встречи под луною,
к чему нам встречи!?

Давай представим все и сразу.
К чему скупиться?
Как рухнет небо, сбросив стразы,
как сникнут лица.

Страдать издержками офлайн-режима
нам не пристало.
И ведь могли мы стать чужими,
но мы не станем.

Я бы карточку Вашу держала в бюваре,
Я б украдкой глядела к нее,
Я бы карточку в узорчатой раме
На старинном держала в трюмо.
Я бы карточке этой такие писала стихи!
(хи-хи)

Или темными вечерами
Мы бы желтое пили вино.
Отчего ни стихов Вам не нужно, ни рамы?
Отчего Вы не пьете по утрам кофеё?

Чтоб бестрепетней слиться с Курой,
двум Арагвам пришлось смешаться
и, стирая оттенков контрасты,
с опасной нестись быстротой.

Нина¹

Все сигареты, что я не скурила,
и все сигары,
туфли все, что я не сносила
на Сен-Мишель бульваре,

платья, чулки как у артистки бурлеска,
парики,
неначищенные мною до блеска
пятаки

с портретом бездарного племянника
Наполеона²,
в вине утонувшие
или заблудшие
в карманах случайных гостей Салона,

пудреницы, помады, духи-приманки,
Браслеты,
шпильки, ванны с шампанским,
валеты,

кропленные кровью чужой,
на дне Парижа ждало меня всё это,
даже один смешливый король,
Мон сеньор,

¹ Нина Петровская (1879–1928) — русская писательница, поэтесса, переводчица, мемуаристка.

² Шарль Луи Наполеон Бонапарт (1808–1873), Наполеон III

а ты говорил, я стрелять не умела¹,
я любила тебя, Борис Николаевич Белый,
и вас, Аврелий, Веригин и Нелли².

¹ В 1907 г. Н.Петровская стреляла в В.Брюсова после открытой лекции А.Белого в Санкт-Петербурге, пистолет дал осечку.

² Псевдонимы В. Брюсова

Он ничего не сказал,
она нечего не сказала,

и в этом просторе событий и фактов
не было ничего, что «от края до края».

и не глядели глаза её строго,
и голос глубокий его не звучал,

и не было в этом ни лжи, ни обмана,
и чистился чат, и чат исчезал,

а кровать ещё повторяла чьи-то черты,
и кто-то один еще глядел в телефон,

но не было уже ни забытых платков, ни заколок,
и буквы слагались в «запрос отменен».

Ни запаха, ни шипящего поутру витамина
в стакане,
больше никто на него не кричал,

белоснежной всё становился экран,
ведь чистился чат, и чат исчезал,

а когда памяти становилось всё больше
в телефонах,
у них ее становилось меньше, и неспроста.

Чтоб никто не смог сказать уже, что чат исчез,
потому что статус его небесный был таков,
будто бы и не было его никогда.

... ..

А в небе томился заблудший средь звезд
крошечный ангел: «Но кто же я тогда?
Who am I? Have I turned into a ghost?»
И крылышки чистил как никогда.

Все не просто, и не сложно¹,
жизнь течет, мотив разгадан,
судьбы наши слишком схожи,
но меня держать не надо,

ты ведь — русло, я река,
ты ведь — парус, а я ветер,
доля будет нелегка
друг без друга нам на свете,

но когда заметишь вдруг,
что сквозит меж нас прохлада,
не кори меня, мой друг,
убеждать меня не надо,

так судьбе, видать, угодно:
нам любить и ненавидеть,
ты и есть моя свобода,
ты и есть моя обитель,

без присяг и обещаний
и у нас сложилась карта,
ты ж почти мое призвание,
и держать уже не надо.

¹ Перевод с испанского песни «Un Compromiso» (Antonio Macnín)

Я люблю разводить в саду цветы,
а мама моя любит собирать эти цветы.

Пока я наполняю для них вазу водой из крана,
она говорит:
«Милая, какой у нас в доме чудесный родник»!

И добавляет: «Вас бы с дочкой моей собрать
обеих враз,
она так на тебя похожа, правда, у нее не бывает
таких печальных глаз».

Потом она глянет на мое фото с самым ярким
фильтром для Инстаграмма
и воскликнет: «Да вот же она, дочка моя!
Красавица! Это я — ее мама!»

Я улыбнусь, помою ей руки у нашего родничка.
Да, родная, такая вот у тебя дочка, не одна.

«Это от коровки?», — спросит она, отпив теплого
молока.
Я кивну, коровка так коровка, по имени Азбука’.

Потом мы сядем рядышком и будем смотреть
в окно,
у нас глядящее вдаль есть окно, на двоих одно,

и будем сидеть мы у окна до самой до темноты,
а весной в саду никто не будет срывать цветы.

Мир — странная штука, ветру казалось,
в нем всякий на небе всё ищет луну,
а умеет, в сущности, самую малость:
проснуться, вдохнуть и подойти к окну.

В нём дождь, танцую по свету, льется слезами,
каплями тяжелыми долбит и долбит землю,
льется и смеется он разными голосами,
но дремлют притихшие, дремлют.

А травинки в лесу считают чьи-то пальцы,
в пальцах чьи-то мысли и лица,
которых они касались, сонмы скитальцев,
и золото заката им снится и снится.

Но кто-то очнется совсем ненадолго, на час,
проверит, на месте ли окна и двери,
отворит, затворит, посчитает потери,
вздохнет, не поняв, как жить и как угасать.

В неукротимом самоотрицании,
в спонтанности своей,
под чьим-то пристальным вниманием,
у берегов ничьих морей,
в клубке чужих до-разумений
вдруг захотелось жизнь сложить,
уж если не совсем с тобой, то в поле зрения
твоих прекрасных глаз и временами быть
в затерянной и нежной сказке
или по крайней мере трепетной истории,
без вескости, развязки,
без всяких заблуждений, не более,
но набегало содержание,
и плыли корабли, всё плыли, плыли,
и вот поздравить с окончанием
истории собрались гости, а были
и моря, и корабли, и пути, и назначения ничьими,
а здесь и воздуха уж нет, и нет дыхания,
а там, а там мы были ими,
в чьих именах навек застыло содержание.
Голубкой-гостьей мне порхать среди чужих,
однажды в удивлении, не найдя тебя, растаять,
пусть в них, краях ничьих,
совется пташке память.

О сон, манивший и заветный,
к чему безудержным явлением
ты в час пугливый, предрассветный
меня тревожил
изъявлением
священной воли и судьбы?
Во всем ты воскресал,
дыханьем согревая
ту жизнь в пространстве тесном,
что лишь в мечтах жила,
в ручье прохладном, чистом, ладном
и в воздухе нешумном, но живом,
и в сопредельном, водопадном
неистовом триумфе времени и места.
Мерцаая, минуты пробуждения
надеждой озарял твой свет,
но растворился враз,
Вдогонку я неслась,
пока без сил не рухнула,
смятенных не смыкая глаз.
О сон, манивший и заветный.
О явь, обратный сказ.

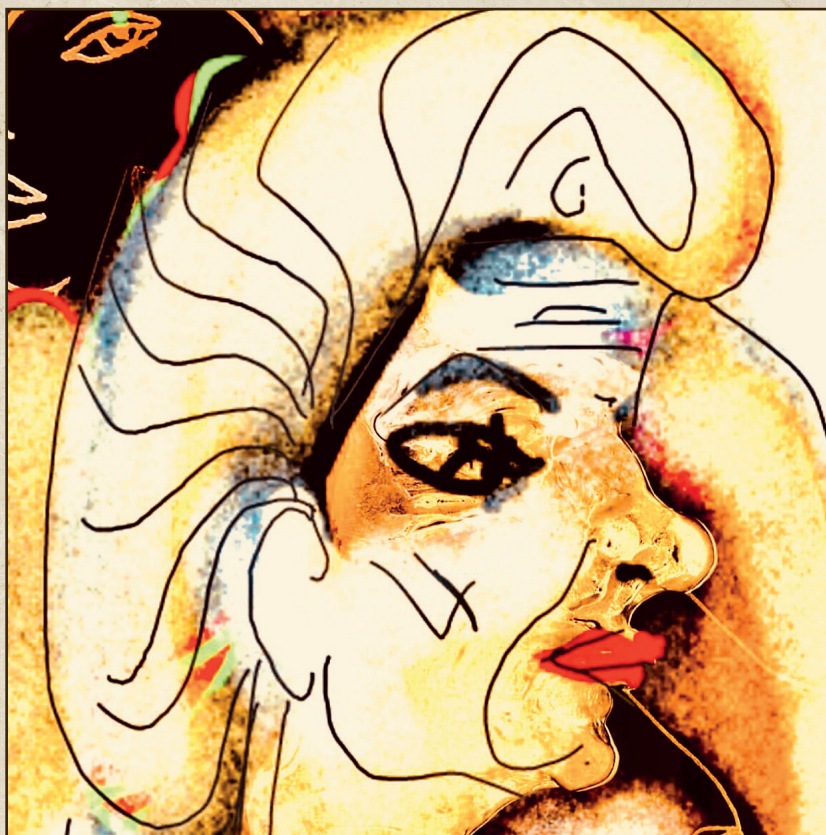
И не только химеры не в наших просторах.
Не той я была ли, кем ты меня помнишь,
не тем ли ты был, о котором мечталось,
скиталец, искатель, паломник?
И разве исчезли те дальние дали,
что ввысь поднимали нас огненным ветром,
разве не теми мы прежде бывали,
кем грезилось, мыслилось, пелось,
разве лишь сонмы химер преходящих остались?

Амадео¹, твоя флейта,
твои руки, твои ноги,
твои звездные дороги,
твои тайны, твое лето,
вмиг застывшие под твердью,
вдруг исчезли. Навсегда?
Разухабилось бессмертье
камнем серым на века.
Город твой как встарь в руинах,
безучастно тени дремлют,
сонм молитв твоих единый
не ласкает эту землю,
но как прежде чьи-то боли,
чьи-то песни, воля, страх,
беды чьи-то, чье-то горе
оставляют след в камнях.

¹ Amadeo — итал. (или исп.) муж. имя, здесь собирает. образ: Amadeo da Pompei

Вобравши те в себя черты,
что щедро замыкали круг
отчаянных надежд,
портрет таинственной весны
и осмелевших рук,
растаявших, нехитрых вежд
в окраске судеб все пристанища искал
поправкой спутанных начал.

Когда паря сквозь даль небес,
несешь ты ввысь свое дыхание,
когда полет становится подобием целой жизни,
и в нем едва вмещается и вечность,
когда ни присмотреться с высока, ни скрыться,
и ангел песнь поет, ликуя,
что рождена улыбкой твоей первой,
то значит будто нет конца,
но вот однажды вдруг завянут крылья,
и снизойдет туманом даль,
потоком грусти и бессилья
придет закат, и будет жаль
уже не вечность,
и даже не её подобие,
а то, что было въявь,
улыбку будет жаль,
воздух, трепет, крылья,
но неисполненные грезы
казаться будут тоже былью.

Пела Акира
Сладко-сладко.
Месяц вышел

Близко от тебя
она была, любимый,
обманутый счастьем.

Теплой почве
зелень семян,
весна идет.

Забыл ты меня,
кучились камни
в тихом саду.

Веточка вишни
стучится в окно,
я живу.

Подари мне брусничные бусы,
синий лен и лугов аромат,
подари мне лесных незабудок,
ручеек и небесный наряд,

из легкого облака платье,
воздух детства с избытком мечты,
нарисуй мне, волшебник, счастье,
день как сон, чтоб неведом и зрим,

тонкой кистью такую улыбку,
чтобы ветер, ласкаясь, шептал:
«Как живая!» И гибкий
стан в объятья едва заключал.

Дороги-дороги,
несносные, долгие, дальние,
дороги с предлогом,
дороги отвальные,
глухие, ночные, обочные,
обходные, заочные,
суровые, лютые, тайные,
чудные, лесные, случайные.

Дороги, дороги. . .
Худые, вязлые, узкие,
дороги-тревоги,
дороги постылые.
Русские.

Дороги окольные,
крутые, косые, неравные,
большие, железные,
главные,
обратные, битые.
Славные!

А, может быть, ты когда-то пойдешь к другой,
и очень может быть даже
ещё вчера ласкавшей меня рукой
погладишь ей волосы цвета саж.

Скажи, — ведь вскоре другими станем мы сами,
другими станут наши мысли и лица,
и поменяемся мы с кем-то местами,
такое ведь вправду может случиться?

И та, другая, будет мною даже больше,
чем я сама, а ее шелковистые волосы
чем-то моими. Оттого ведь не горше,
что кто-то шепнет слова мои не моим голосом.

И польются они елейные да пестрые,
как когда-то в наши часы предрассветные,
в них причудливой красочной россыпью
ты мне платья писал разноцветные.

Лишь одна на свете есть утрата,
лишь одна на свете боль,
в ней уходят без возврата
жизнь и свет, событий вдоль.

Слезы лишь одни на свете,
нет во времени других:
только те, что без ответа,
слезы с глаз порой сухих.

Где утрат земных томленья
из размытых выйдут берегов,
там луны сходящей бледия
осветят земли покров.

Лишь одна на свете крайность —
жизнь и смерть, и путь тернист,
и одна на свете тайна,
та, что с неба смотрит вниз.

Профиль нежный,
Грудь нагая,
Шаль смиреньем
Неисполненных начал.
Отчего тебя я прежде
У обрывистого края
Родниковым испарением
Не встречал?
Для меня ль, камней царица,
И хмельных царица трав,
Терпкой ночи ты волнение берегла?
О, пленительная жрица
Предрассветных переправ,
Явь ли сладкое видение
Твои очи-берега?

А помнишь, однажды в музее
В старинном дубовом шкафу
на шелковых петлях висели
платье, платок и кожух?

А помнишь, тогда ты спросил:
А, может, в этих одеждах
когда-то гуляли Они —
влюбленные, с терпкой надеждой?
И вдруг нам привиделось разом,
и мне, и тебе — все как наяву:
любимой своей кареглазой
на плечи накинув кожух,
шептал он, дюжий, могучий:
«Люблю. . .» А заботливый Лель
над ними растаскивал тучи,
в ладони сжимая свирель.

С минувшим десятком пятым,
во всем помятом,
скрипя мениском,
гулять по Сан-Франциско...

Глаза мои смоль,
в голосе даль,
шаги мои боль,
в поступи сталь,
обида да ропот —
в пепел да пыль,
в забвение шёпот,
в скоропись — быть.
Буквы-отсрочки —
в слова, не тая:
каждая строчка —
до нитки — твоя!

Ветерок незатейливо споря
с сияньем влюбленных очей,
зачерпнув изумрудного моря,
коснется улыбки твоей,
так улыбка узнает послание
высоты гуттаперчевых дней,
а в раскаянии спешных речей —
глазастых ромашек шептание,
с ветерком отплывут желания,
обретя вмиг смирение-трофей.
Как упоительно молчание
моих нефритовых ночей.

Забыты вмиг вдова Клико
Вином искрящим и игривым,
Забыт бордо, что был давно
Мне другом верным и наивным.
Томленья прежние забыты,
Иной удел мечтой умыт,
В манящей ночи неспитой
Искрится виски. И нефрит . . .

Ты позволь отведасть, небо,
быстроты,
этот мир увидеть мне бы
с высоты,
обними со мною, ветер,
всё вокруг,
пусть улыбкой станет светел
милый друг,
ты побудь со мною, счастье,
в тишине,
позабудь скорей, ненастье,
обо мне,
и в твоих ладонях, лето,
дай уснуть,
пусть мечта отыщет где-то
верный путь.

Мелодия любви и шахмат¹

Вот невинное начало.
Может, в нем-то и подвох.
Но одних догадок мало,
И маэстро вдруг заглох.
Словно скрипка под сурдинку
Тихо тянется игра,
Но сейчас растопит льдинку
Чья-то нежная струна.
Вот она диагональ,
Заработали мозги.
Но опять уходим вдаль
К краю шахматной доски.
Пальцы в воздухе сверкнули,
Виртуозно сдвинув пешку,
Лаком глянцевым блеснула
Кукла, брошенная в спешке,
Загудела в стороне
Низкая, густая нота,
И откуда-то извне
Бросил вспышку кто-то,
И опять дрожит квадрат,
И опять-опять размен.
Но никто уже не рад,
Шаг размерен и смирен.
Мнимой партии финал
Прокрутился в голове,
И маэстро проиграл
В этой мысленной игре.

¹ Мелодичное изложение хода шахматной партии предлагает В. Набоков в «Защите Лужина». / См. В. Набоков. Защита Лужина /В. Набоков. Романы. Повести. Рассказы. Спб., Изд-во «Азбука», 2013, с. 404–406.

И опять-опять повтор,
То угроза, то защита,
Королевский уговор,
И опять игра размыта.
На мгновение полегчало,
Две фигуры с поля смыло,
И развязки той начало
В нежном звуке где-то всплыло.
Ищем-ищем этот звук,
Чтоб в гармонию раздуть,
Вновь размен предложим вдруг,
Здесь уже не увернуть.
Нам бы ритм тот сохранить,
И выигрывая время,
Не порвать бы эту нить,
Разрешить бы это бремя.
Где заветный ход победы?
Будит эхо каждый шаг,
Вариантов где-то бездна,
Нужный не найти никак.
Кто-то пискнул: «Перерыв»!
Кто-то ссорится, галдит.
Лишь один, лицо укрыв,
Тайну в бездне разглядит.

В воздух мечтаний —
грезящей небыль,
жаждущей неба —
в облачной ткани,
в ночь по причине
терпкой награды —
тайной звериной,
тайной громадной.

Видишь, что я сделала?
Руки разжала, отпустила,
в краску вогналась в серую:
мох, земля, белила.

Видишь, старею, дурнея,
И взяться бы все же за ум,
но я в «дурнея» не веря,
лишь чуточку верю в фатум.

Выслано на пути,
остриями намечено,
не свернуть, не сойти,
вечное-вечное,
вечное взаперти.

Не дает покоя
чья-то позитурa,
небо занятое,
гибкая структура,

не дают покоя
эти руки вместе,
а еще другое —
в слове неуместном.

Или — Бог с тобою,
видишь, как люблю я:
не сыскать покоя,
пропаду, целую.

Уходила в последний вечер,
в губы нежные не прощаясь,
скорой встречей, казалось, подсвечен
шепот легкий, жила, возвращаясь.

Возвратилась. В любовь корневую.
Ну а утро — поправкой в факты:
события, помарки, кривую.
Времена продолжают как-то...

В окраске сна искать отраду,
в смятении ночи — свет,
в улыбке сдержанной награду,
в дыханье близком — след
любви возвышенной и вечной,
высокой, пламенной, святой,
почти не жить, но безупречно
в огранку дня дышать тобой,
явленьем утреннего неба
раскрыть грядущее полней,
расплатой умирать за негу
давным-давно минувших дней.

Слово-стремленье иссушено,
выхлестом — шепот-голод,
губы — едва послушные,
промах, ужимка, холоп,
олово глаз — отпаяно,
в сталь — отпечаток-повод:
ваши движенья — нечаянны,
ваш эпизод ещё молод,
ваша история — лето,
а наша — увы — не довод,
сбилась пугливая где-то,
скрылась дороженька-волок.

Отдаляешься, вроде.
Значит, в разбивку,
значит, в отводе?
Merci за прививку.

Странно-грустно-дремучее,
гремучее, верное, жгучее,
наполненными тобой глазами
глядящее чудище бьется,
необъятное нежными нами
словом нездешним зовется,
ночами, от случая к случаю
качеством-криком мучаясь,
чудище-чудо, дикими снами
наспех умытое, льется стихами,
и песней бессмысленной льется.

И тихонько «здрате»,
все стучусь с привычки,
ох уж эти страсти,
сердце без отмычки.

Дробясь о стойкие сюжеты,
уходят дерзкие мечты,
все реже снишься ты,
и ночь молчит,
забыты прежние сонеты,
искра ловчит.
Таясь и шурясь неустанно,
природа вечною игрой,
былой счастливейшей порой,
вдали искрит,
искать в ночи ее не стану,
печаль сквозит.
К чему ушедшие мгновенья?
Ведь даже сон живей мечты,
здоровьем свежей просторы
судьбу кроит.
Но страх! Загадкой дерзновенье
мечтать велит!

Женщина с тысячей лиц,
с лицами-масками,
с пальцами вместо границ,
громкими пальцами,
призванием-заботой,
лукавой свободой —
с котомкой в дорогу,
котомкой-тревогой,
чутьем-подчиненьем
взволнованно скатится,
В забвенье — сомнения,
и по ветру — платьице.

Я твоей прохладой
Обману жару,
Зачерпнув отрадой
Зимушку мою.
Там под небом синим
Возвышался храм,
Обжигал там иней
Щеки по утрам.
На ресницах ватой
Оставался пар,
Пеленой-наградой,
Зимний гонорар.
Над искрящим снегом
Мы бросали тень,
Согревалась бегом,
Удивляя лень.
Мимо дерзко мчались
С ревом поезда.
Так мы повстречались —
Лучик и звезда.

По концам былой дороги
Не пройти,
Не изжить печаль-тревогу
На пути.
Пламя тщетно, стоны — небыль,
Грустно мне.
Мне твое приснилось небо
В тишине.
Затаились в роще звуки
До утра.
Я твои целую руки,
Но пора.

Не сгореть на ходу,
а сгорать,
не пропасть за тебя,
про-па-дать,
не исчезнуть, любя,
ис-че-зать,
Накатом в бреду —
от-да-вать,
искриться, искать,
слогами дробить,
остывать,
у-ми-рать¹ ...

¹ «Не умереть хочу, а умирать» — строчка из стихотворения М. Цветаевой «Пригвождена ...» / См. Марина Цветаева. Стихотворения. Т.: ТомСувенир, 2010, с. 100.

Осень.
Она удачна:
Лишь приоткрыть глаза.
Сносен
Денек невзрачный:
В небе — луна-бирюза.
Нежным
Веяньем крыльев,
Долгим молчаньем в ночи,
Верным
Очерком-былью,
Легким дрожаньем свечи —
Проступь,
Мечта живая!
Бусинкой — к месту слеза:
Осень,
Мечтой играя,
Призрачно дарит «нельзя».

Платят скупые дважды,
трижды тупые платят,
встретив тебя однажды,
в горошек надела платье.

Дорогой с потусторонним движением,
в ненавистную и желанную,
с само-мнением и с сомнением
в стороночку покаянную.

Короткой была дорога
Спешных моих затмений,
короткой, но не убогой,
с раскатом местоимений.

По улице спешно три-рукой
ненасытной исконной страстью,
чтоб высота — не порукой,
чтобы падение — счастьем.

Стихло-стихло водопадное¹,
сопредельное, неподдельное,
оформилась тайна громадная
в спокойствие беспредельное.

¹ Б. Пастернак, из переписки с М. Цветаевой: «Это была громадная тайна, оформившаяся в беспредельное спокойствие...»

Мы сидели чужие,
и каждый один,
в минуты глухие
затягивал сплин,
мы сидели чужие,
один на один,
бесцельно родные,
вне всяких причин,
и трижды другие,
охватом томим,
в молчания тугие
сплетался почин,
мы сидели чужие,
в борьбе величин,
утешно родные
чужих половин.

Между нами — сквозняки,
простудились все слова,
уцелело лишь «прости»
и несходство словаря.

Осень
с едким дымом,
с увядшей талой листвой,
осень
с надеждой незримой,
подспудно
с унылой судьбой,
умело
грубые кисти
лаская, в тумане поет,
смело
новые листья
бросает бессудно на лед.

Волны хитрые, игривые,
волны ластятся к ногам,
капли-капли торопливые,
перья-руки по волнам,
острием живых расщелин
соль и кровь — узри, живи.
Зацепилась? Ослабела
мелкой плавью для души.

Рядится век
в пещеру,
в дом,
в нем — человек
с верой
в гром.
Небо врасплох,
старь,
пепел и прах,
даль.
Рядится век
сном.
Где человек
в нем?

Самая чужая из близких,
самая близкая из чужих,
стелилась низко-низко
и распевалась в стих.

Не достать небосвод,
двух дорог не сплести,
не смешать двух вод,
не взрасти — взаперти.

Наутро встать —
Заревом,
родство порвать —
с правилом,
змейку-дороженьку —
выпрямить,
утренним дождем —
вычистить,
любовь-целовать,
выпестовать,
у счастливых украсть,
вытребовать.

Отживу — отползу-отдышу,
в награду б — отрады глоток,
морщинку б разгладить на лбу,
дыханьем бы сбросить годок,
с нежностью в сговоре верном
кружиться, любить — за двоих,
ветру-властителю внемля,
пестрить и порхать среди других,
счастьем шептать в тишину,
обидой пылить отчего-то.
Криком: «Сбылось, я люблю!»
Значит, и ты кого-то.

Затрепала-затаскала
тему сердца,
невдомек:
сердце — бездна,
сердцу мало,
сердце — дверца,
мотылек.

Вихрем вразбег,
и — под суд.
Что раздают?
Малость — ночлег.

Ни на что не гожусь,
ничем не горжусь.
Сказать? Не убьешь?
Не прогонишь прочь?
Мое сердце вкось,
мои руки врозь,
ну а стержень-ось —
дикость-небыль.
Брось!

Оглохла-ослепла,
так близится новь,
сгорела без пепла,
сгорела любовь.

Холодкам не верь,
все возня да шорох,
я Минерва, мудрый зверь,
пропадает порох.

Невозможно тебя не любить
свыше мер, свыше сил,
невозможно тебя разлюбить:
разлюбить, рухнет мир.

За тебя в небо,
за тебя в огонь,
пеплом в небыль,
дымкой в сон,
ветром за тобой,
вихрем в стон,
вслед за мечтой
о тебе, об одном.

Я люблю тебя близким до боли
в спутанной воле,
я зову тебя голосом верным
голосом крови,
знающей силой,
вечной долиной,
окриком памяти,
образом милым.
Пусть сказали или скажут:
«Сумашедшая»,
на ветру
затопчут, осудят, накажут
отошедшую
за версту.
Сборище жалких стражей!
Изошедшая
за мечту.

Две мечты,
порочная и безупречная,
как две волны,
продольная и поперечная.

Вся целиком
перед темным окном,
в нежности строгой
заказанной жизни,
условно знаком
сей вечерний излом,
скользящей тревогой
живой укоризны.

В неясном движении ветвей,
в бархатном сердце ромашки,
в скромных изгибах алей,
на измятом листке бумажки,
в нежном дрожанье крыл
еще не просохшей пташки,
в розовом облаке жил
трепет одной бродяжки,
ей чудился берег далекий
и белый морской песок,
и поцелуй очень робкий,
небесного счастья глоток,
и ветерок с моря легкий
влажные губы ласкал,
но на приступке скользком
вдруг одолела тоска.
Была и осталась бродяжкой,
зови, не зови печаль,
кутает бережно фляжку
в свою шерстяную шаль.
и взгляд направляя неясный
в дремучую сизую даль,
шепчет с какой-то опаской:
«Мне очень и очень жаль».

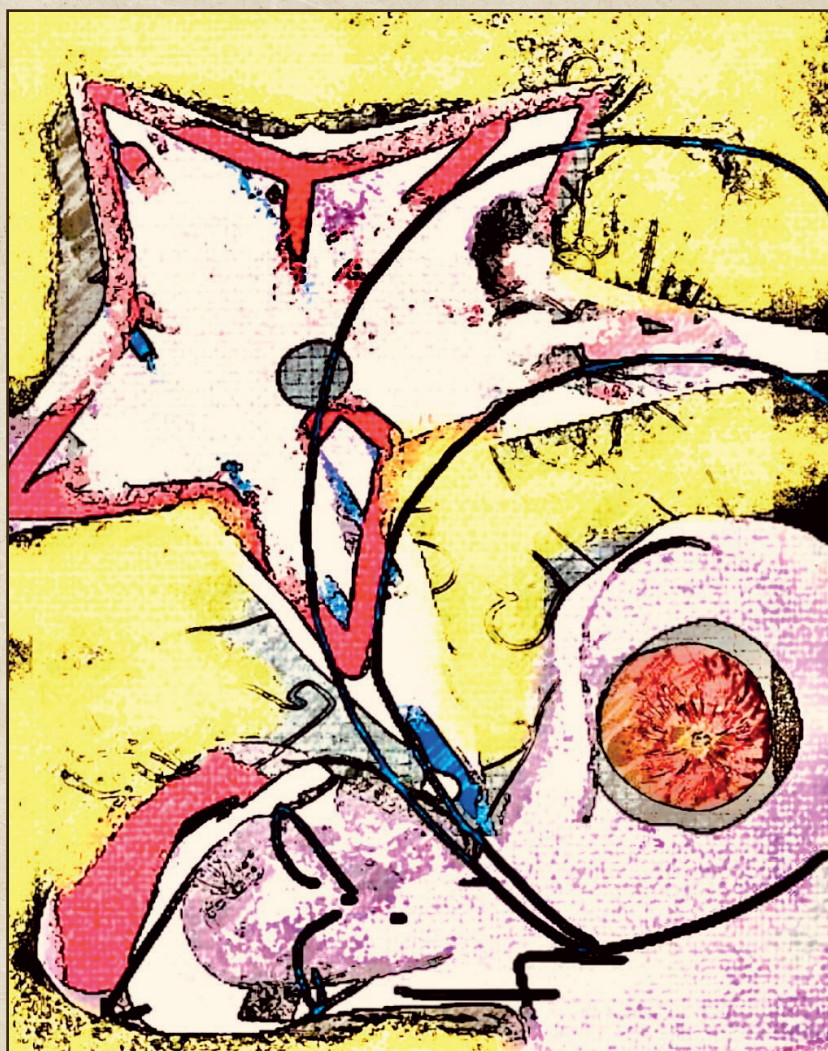

Взор без искры или мимо,
взбунтовалась пантомима,
не движения, отклонения,
не любовь, а приближение.

Где искать грааль,
камень многогранный?
И Земле Луна —
спутник моногамный.

Вдруг повеяло дыханьем свежим
долгожданной искристой зимы,
в той зиме ты остался прежним,
я живу в нашей прежней любви,
уходя в нашу чащу лесную,
обнимая в печали сосну
и кормушку для белок резную,
так могу заглушить тоску.
Ты со мною прощался, любя,
в кормушке меня не узнав,
и готова к разлуке меня,
на страстные письма молчал.

Вспоминается речка за лугом,
как плескалась в ней детвора,
как кричала мне мать с испугом
«Не ходи ты одна со двора!»
Теперь уж давно забыты
переливы далеких тех дней,
а душа давно уж излита
на чужих мне по крови людей,
и теперь говорит мне не мать,
а твои оглушают слова:
«Постарайся себя ты унять,
Ты такая совсем не одна».

Может, целовать придется ноги
тому, кого не терпим мы и дня,
голоса в заезженной дороге
звучат для Вас, не для меня,
мне пусто в этом мире, а не тесно,
и жизнь вокруг не для меня,
мне жаль, Вы мне неинтересны,
другим неинтересна я.

Растоплю в ладонях лед,
разведу руками боль,
пусть печаль от нас уйдет,
ты поверь, пойми, позволь.
Нежно буду я тебя
согревать в прохладе,
ведь ладони у меня
для того, чтоб ладить.

Как здорово, что ты меня не любишь,
как трепетно, что я тебя любила,
не жаль, что скоро все забудешь,
но жаль, что я почти забыла.

Увлечься игрой,
быть лучше другой,
игра — абсолют,
а многие лгут.
Ноша — на горбу.
Ничья. В гробу.

Белая махорка
Застелила луг,
На плечах пригорка
Рисовала круг,
Голыми дубами
Вырезала тень,
Снежными губами
Целовала день.
На хромой опушке
Одинокий клен
С корня до макушки
В зиму стал влюблен.

Огонек в глазах,
Мягкий шелк волос,
И изгиб в губах,
И крупинкой нос.

Мягкие ладошки,
Звонкий голосок,
Юбочка в гармошку,
Бант наискосок.

Не сидишь без дела,
Все бы сделать в срок.
На глаза слетела
Челка-гребешок.

Золотце-искринка,
Благость не отнять,
Можешь без заминки
Облако обнять.

Ты знаешь, как в небе летали они,
таинственным светом в закате мерцая,
мечтаний моих неподкупных огни,
стараний земных представленья о рае,
ты знаешь, касаясь земли, они замирали,
теряя надежду, таились и гасли,
а в облаке рыхлом раскрывшись в печали,
прохладой сквозили, вне счастья, вне страсти.
Ты веришь, как ночи рыдали мои?
И огненных строк глубину раскрывая,
шептали: «Вот счастье любви:
объятий кольцо второпях примеряя,
не знай, не надейся, не слушай, не жди».
Мгновение — вечность, секунды — едва ли.

От порога до порога
по асфальту колесницей,
фонаря разбито око,
Снова стала ученицей,
вдруг упала на ладонь,
на уютную десницу,
встала, ринулась в огонь,
убедиться, отстраниться
до потери чувства, в дно,
до безумия, в раздробь,
зацепив сквозь сон одно,
отчего не бросил в топь,
отчего не дал разбиться,
слезы льются на огонь,
опалила все ресницы,
безвозвратно — на ладонь,
вдруг прихлопнут, только снится
как уходит прошлый сон,
как срывает колесница
руки, плечи, стон, заслон,
без надежды зацепиться.
На колени! Где запястья?
В сердце шум, но пульса нет.
Ты дарил мне столько счастья.
Может, счастье — видеть след?

Встреча, слово, пламя, случай,
губы, нежность, ветер жгучий,
стон, не крик, улыбка, счастье,
шорох, вздохи и ненастье,
свечи, веер, странный лик,
гордый прежде, миг поник,
озаренье, мысли, ропот,
грусть, уход, сомненье, опыт,
рана, зрители, посланье,
слезы, тайны, обещанье,
и надеждой миг возник,
будто вечность манит миг.

По траве, по нескошенной,
по тропе, по заброшенной,
вдоль ручья журчащего
проберусь в эту чашу я,
где сердца так стучали,
позабыв все печали,
где тела повстречали
ласку ветра нечаянно.

Тянется береза к солнцу,
отрываясь нежно от земли,
выгляни и ты в оконце.
Видишь алый след зари?
Он еще не смыт росой,
в нем остались наши дни,
нарисует дождик там косой
в радуге цвета былой любви.
Раскидай, береза, серьги,
а черемуха, всем Расскажи,
что искала в этой неге
плоть без вынутой души.
Сохнет озеро оленье,
ива молит «Не спеши»,
преклоню я здесь колени
в память первой той зари.

Я летаю и кружусь
в карусели сосняка,
кто-то сыплет на лугу
бусы-капельки дождя,
кудри леса нежно скрыли
стан березок молодых,
пролетела как на крыльях
с ветром парочка гнедых,
затаят изгибы дуба
теплоту моей руки,
и запомнят мои губы
близость терпкую коры.

Есенину¹

Ты остановишь шар земной,
я запрыгну с лету к тебе,
я своей шершавой рукой
открою веки заре,
ладонью как мягким облаком
прикоснусь я к твоим губам,
полуслово не станет словом,
и грозу захлебнет океан.
ты увидишь вторую луну,
распустишь клещи ты рук,
ты полюбишь живую мечту,
заменишь соху ты на плуг,
найдется и в этом гармония,
будешь как светоч любим,
оставишь ты град свой Инонию,
захочет и мир быть иным.

¹

Отклик на «Инонию»

О женщине¹

Быть женщиной — не просто,
«Сводить с ума — геройство»,
сходить с ума — притворство,
любить — души устройство,
безмолвствовать — не свойство.

¹ Стихотворения Юрия Живаго, Объяснение. / Б.Пастернак. Доктор Живаго / Б.Пастернак. Полное собрание поэзии и прозы в одном томе. М. Изд-во «Альфа-книга», 2015, с. 1231.

Читаю Блока «Город мой»,
«Никешиной С.» — надпись видать.
«За успехи в школе, год — 57-ой».
Ленинград. Видна и печать.
Из домашней библиотеки
книга улетела в магазин,
Кто-то, видно, покумекав,
отослав в бюро витрин.
Как узнать, жива ль Светлана,
много ль повидала в жизни?
Знать, трудилась неустанно
для детей и для отчизны.
Здесь у Блока «Незнакомка»
на странице сто пятнадцать,
там — листочек кем-то скомкан,
Свете было там семнадцать.
Вот она головоломка,
снов чужих слепая громкость:
Где ты, Света, незнакомка?
Не даешь мгновенье скомкать.

Суета да ропот,
всё парча да топот,
пустяки и пену —
в перемены.

Писала не вилами,
не чернилами,
волны манила.
Счастье — мерило.

Страсть — белошвейка,
ночь — полотно,
река — лицедейка,
камни — на дно.

Не отречься, не прижаться,
и всюду тень,
может статься, может статься
набекрень.

Сгладилось-сладилось,
выжила-выползла, чую,
походя утро погладило,
словно собаку чужую.

Ни печаль, но вздыхание,
ни смирение, но тепло,
где ты, где ты, воздаяние
водопадное мое?

Пифия
с выпитым виски,
в край,
чтоб о самом другом,
линии четко и близко,
но Рай —
то, что будет потом.

Прощай мне все,
остолбеневшей, тихой,
прощай мне все,
безумной, непомерной,
сомнения прощай и лихо,
забывчивой, убитой, верной,
улыбку, стон прощай и ропот,
веленья страсти и мольбу,
прощай мне боковые тропы
и пламя в неге, и тоску,
прощай, любимый, восклицанья,
прощай неверие и размах
и дерзкие прощай желанья,
развязку мысли, холод, страх,
прощай мне роспись бытовую,
развитие темы и наплыв,
прощай досаду обжитую,
в раскате образов мотив:
фатальную, прямую стяжку
шестерки трэф с тузом червей,
а я прошу тебе оттяжку,
оттяжку всей любви моей.

Прошу, в чужие руки
меня не отдавай,
не примет на поруки
меня пустынный край,
Я — в счет, вода седьмая,
психея без крыла,
слепых часов минута,
безумию сестра,
твоей свободы случай,
чужой мечты струна.
Сурдина прячет звуки
и сыплет невзначай:
Пустыня, на поруки
её не принимай.

Что же ты, нескромная,
ох, судьба-прохожая,
а глаза огромные,
на меня похожая.
Судьбы, судьбы,
и по кругу, по второму,
мне вдохнуть бы
по-другому,
и мечта раскрылась,
но волна врасплох.
Ох, затишье-милость,
все по сути вдох.

Ануш

(поэма)

1

Песни, пляски, запах теста.
Ругань, драка — как без них?
За столом сидит невеста,
Ну а рядышком — жених.
Он молчит, упрек не к месту:
У него завидный куш —
Лучезарная невеста
Раскрасавица Ануш.
На столе — кругом обилие,
Уж и скатерть не бела.
Жениху в бокал налили
Виноградного вина.
Затянули песню хором,
Веселится вся родня.
А вдали за косогором
Кто-то плачет втихаря.
Кто-то плачет и вздыхает,
Шапку сдвинул на чело.
Темной ночью накрывает
Закавказское село.

2

Но пришел 41-й год,
Мужики пошли воевать,
Ануш родила. И вот
Сынам отца — не видать...
И сосед с дороги пыльной

В дом зашел, чтобы присесть:
Задержал бы ты, посыльный,
Непростительную весть...
Сыны растут, Ануш — в работе,
Отгремела уж война.
Дети, дом — одни заботы,
Мужа — нет, и все — одна.
Хлеб качается в корыте,
Отворилась дверь легонько:
«Ануш, родная, выйди,
Поболтать бы нам тихонько!»
«Так зашел бы и присел,
И детей вот позову...»
«Нет! Тебе сказать хотел:
Я давно тебя люблю!»
«Замолчи сейчас же, грешный.
Право же, мне так неловко!
Уходи домой ты спешно,
Ты ведь — муж моей золовки!»

3

Облаками обросли овечки,
А бараны лижут соль.
Детвора шумит у речки —
Смех, веселье, шутки, голь.
«Вы слышали, ваш отец
Заходил к Ануш вчера?
Был вчера он — удалец,
Не нашла его родня.»
Разыгралась ребятня:
Ругань, драка — как без них?
Кто-то крикнул со двора:
«У Ануш — опять жених.»

Скрыла тучка месяц юный,
Небо — в зареве огня.
От красавицы неюной
Отрекается родня. . .
А глаза уже не спрячешь,
Новый лик — уж наяву,
«Отчего, родная, плачешь?
Все равно ж тебя люблю!»
«Вся — в работе, руки в тесте,
А в рассоле сыр дозрел. . .»
«Уедем далеко! И вместе!
Я давно вот так хотел!»

«Нет, прощай, любимый!
Живи спокойно, не томись!
Без отца — не гоже сыну,
Последний поцелуй. Вернись. . .»
«Ко мне ты больше не ходи:
Свои, чужие — все в дозоре!
И раны ты моей не береги:
Сыны сбежали от позора. . .
Иди!!!»

4

Годы шли, Ануш вязала
Внукам теплые носки,
Иногда в впотьях рыдала
От любви и от тоски.
Стая уток пролетела,
С неба пухом сыпля ловко.
«Вы слышали?! Овдовела
Чернобровая золовка!»
Месяц кругом завернулся,

В ясный день проникла мгла.
Шар земной перевернулся.
И Ануш с него сошла. . .
«Чего явилась? Уходи!»
«Пусти! Хочу проститься!»
«Проститься? Так держи!

Его омыли — тебе ж умыться!»
Все покрылось липким мохом,
Впереди — лишь топь да глушь.
С горем, с плачем и со вздохом
От ворот бредет Ануш. . .
«Не такой тебе я снилась:
С мокрою иду я головой,
С мужем так и не простилась,
Не простилась и с тобой».

5

На жердях цыплята дремлют,
Пух летает над водой.
А в хлеву овечки блеют,
Тыча в сено головой.
День заботливо приносит
Чай с рябиновой корой.
То Ануш прощенья просит
У золовки, у больной.
«Я прощаю все, родная.
Все забыла, всех люблю. . .
Звал тебя он, умирая. . .
Очень ласково: Ану. . .»

Мой друг, прощаю вам, что вы не ту
во мне любили да не так,
все так, ведь я, сплетая на ходу
любви летящей бивуак,
жила, и не было живей,
не все ль равно, что дни,
испытанные временем, потяжелей
тех прожитых, живых, они
не запылали б от другой любви
огнем сильней и ярче. Живи
в огне былом и памяти улыбкой,
любовь моя и не моя ошибка.

Мечты истлели,
вино не допито,
уже не до цели,
почти не обидно.
Оставлена жить,
дожить без любви,
волчицею быть
«Без любви не живи»,
но все ж наливай
в бессмертную душу,
я чувствую край
пусть зыбкой, но суши.

Когда оставишь в мыслях ты меня,
свою внезапную рабыню,
когда забудешь мое имя,
ступая по живым теням
влекущего, увесистого сада,
когда и в сад ты наш забудешь путь,
когда за ставшую чужой живую красоту
не зацепиться будет даже взглядом,
когда и сад тот зарастет чертополохом,
и сникнет над его унылой прелью небо,
и все уйдет, и был, и небыль
в немую даль, лишь легким вздохом,
лишь легким вздохом
пусть оживет ушедшей розы час
и в вечность нежность лишь отдаст.

